

18+

Александр Калинин-Русаков

Кеша-стакан

Александр Калинин – Русаков

Кеша-стакан

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Калинин – Русаков А. Н.

Кеша-стакан / А. Н. Калинин – Русаков — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Мы ищем его везде, порой на других континентах, а оно, оказывается, рядом и никогда не покидало нас, даже в самые трудные времена. Спросите кто оно? Отвечу - счастье. Отыщите, и не отворачивайтесь от него никогда.

Кеша-стакан

Ранним утром, пока вчерашняя жара невесомой пылью ещё отдыхала на высохших подорожниках глухого двора, Кеша, распахнув окно, в который раз пытался отыскать ответ на давно мучивший его вопрос:

«Почему этот обычный, огороженный от улицы старым кирпичным забором дворик притягивает его с какой-то неизвестной, даже таинственной силой?»

Ржавый гвоздь в стене гаража, выпавший сучок на краю обтопанной скамейки под каштаном, проступившая сквозь штукатурку довоенная надпись «Franz Nickel» над окнами дома напротив. Что во всём этом особенного? Дворик как дворик. И по размеру невелик, сущий пустырь. Только почему же до боли в груди, до нетерпеливой истомы с наступлением каждого утра хочется ему увидеть этот спрятанный от остального мира кусочек земли раньше, чем суета дня разрушит его невесомый покой?

Дом ещё спал вместе с обитателями: заботливыми и безразличными, добрыми и не очень, алкоголиками и трезвенниками – всеми, кто сумел лучше или хуже устроиться в потрескавшейся от старости скорлупе переселенческого общежития.

Недолгое проживание, обещанное чиновным людом при заселении сюда, растягивалось для жильцов «общаги» на нескончаемые годы. Въезжали в её обветшалые стены не радостные новосёлы, а вынужденные переселенцы: аварийщики, погорельцы и прочие неудачники. Оттого происходило всё обыденно и тихо. Не велика была радость начинать новую жизнь в общежитии с тёмными коридорами, общими кухнями, скрипучими лестницами и тенётами небелёных потолков. Следом за переселенцами в обитель тянулись старые проблемы, которые, репёём прицепившись ещё в молодости, не найдя решения, волочились за ними в эти ободранные стены, поскольку им тоже некуда было деваться. Вылупиться из переселенческой скорлупы общежития получалось далеко не у всех.

Единственным жильцом, которого устраивало всё, был, пожалуй, Кеша. После череды житейских штормов он просто отдыхал, тихо проживая в небольшой комнатке на первом этаже. Одно ему с первых дней пребывания в этих стенах показалось загадочным... Отчего же каким-то новым, ранее незнакомым чувством ощущает он близость тихого, ничем не примечательного дворика под окнами? Как случилось, что на этом окружённом со всех сторон кусочке земли течёт своя, но осмысленная кем-то свыше жизнь? Двор, похоже, также не был безучастен к нему. Иногда он подолгу молчал, будто раздумывал, иногда беззвучно шептал.

– Задумайся, Кеша, посмотри в себя. Да, да, в себя... Закрой глаза и рассмотри там, не таясь, все закоулки собственной души. Может статься, что и увидишь в её потаённых уголках свет. Или там так же, как и здесь, темно, и не у кого спросить: «Как быть? Как сделать правильно?».

– Ответы на все твои вопросы внутри тебя, так что не стесняйся, заглядывай туда чаще, – говорил ему безмолвно старый дворик.

Никто из жильцов, казалось, не замечал ни этих слов, ни самого дворика. Не до того, как видно, было всем. Только замечают они или нет, нравится это кому-то или напротив, противно, поутру Кеша обязательно откроет окно, обопрётся локтями о подоконник с закрашенными следами от пребывания предыдущих жильцов и вновь увидит мгновение, когда время начинает двигать события во всём огромном мире.

Время имеет власть над многими людьми, даже над теми, кому до этого нет дела. В погоне за сиюминутными событиями они, будто беспокойные пассажиры курьерского поезда, запинаясь, бегут в конец состава, торопятся, спотыкаясь, даже не понимая, зачем... Из вагона в вагон, из года в год... И лишь уткнувшись лицом в пыль стек ла последнего вагона, невольно останавливаются, чтобы задать себе последний вопрос:

– Зачем всё было?

Бесплодные минуты, секунды, неожиданно быстро сложившиеся в жизнь, промелькнули одна за другой, неумолимо одинаковые, будто бетонные столбы вдоль насыпи... Лестница железнодорожного полотна, закончившись, убежала в прошлое. Только вдруг, словно вспышка – озарение!.. «Может, вернуться? Прямо сейчас!.. Обрато по той же дороге. Назад в прошлое!» Только невозможно это сделать. Наглухо закрыта дверь в тамбуре последнего вагона...

Минута тогда и минута сейчас. Как они разнятся в своём понимании. Какая пропасть различия между ними. Отчего же им, таким одинаковым, трудно, порой невозможно ужиться в одном человеке? Может, опять виновато время, которое, разлучив эти мгновения, изменило их понимание, а может, и самую суть...

* * *

Сбросив бремя житейских проблем, Кеша испытывал обострённую радость от ощущения свалившейся на него свободы. Понимая по-своему значение слова безответственность, он действительно не хотел больше ни за что отвечать, не хотел подчиняться кому-либо, а ещё больше – привыкать к новым людям, слушать их назидательные речи или нравоучения. После всех произошедших в последнее время изматывающих душу событий ему теперь всего-навсего хотелось понять истинный смысл самой обычной жизни, а потому ценил он её такой, какая есть, без раскрасок и ретуши.

Кеша хорошо запомнил ту осень, когда он с нехитрым скарбом переехал в небольшую комнатёнку переселенческого общежития. Едва дождавшись утра, он открыл единственное окно и тут же в нетронутой тишине начала дня уловил едва различимые шорохи. Это были звуки последних мгновений жизни огромных листьев каштана цвета солнца. Обожжённые по краям осенним багрянцем, они, медленно кружась, обречённо падали на холодную землю, пожелтевшую траву, старую скамейку. У Кеша перехватило дыхание... Что-то живое и нереально тёплое неслышно коснулось его. Медленно опустилось сердце, стало сладко во рту. Почему? Он не знал...

Через коридор от Кешаиной двери на второй этаж уходила лестница чёрного хода со стёртыми от времени ступенями. Круто поднимаясь мимо несуразной синей двери на втором, она устремлялась на третий с немытыми окнами и заканчивалась у входа на чердак. Там жило прошлое. Покрытые слоем пыли, по углам лежали старые книги на чужом языке, обломки гнутых стульев, оранжевые абажуры с кистями.

Кеша брал фонарик и, поднимаясь в загадочную темноту, подолгу перебирал стопы книг. Открывая в неожиданных местах, он пытался прочесть их, пока однажды не наткнулся на семейные фотографии довоенных лет. На них были совершенно чужие люди, которые, вероятно, когда-то жили в этом доме, ходили по его длинным коридорам, так же зачарованно смотрели по утрам в огороженный дворик под окнами. Кто они были? Какие?..

Неожиданно для себя он ощутил ушедшее время, услышал его звуки, почувствовал даже движение воздуха. Кеше показалось, что кончики его пальцев касаются в этот миг чего-то слишком деликатного и личного. Он ещё какое-то время рассматривал фотографии, затем сложил их обратно и выключил фонарик. Предначертанное свыше всё равно уже случилось...

«Вряд ли стоит сейчас беспокоить прошлое ради обыкновенного любопытства», – решил Кеша и перестал ходить на чердак.

* * *

А двор продолжал жить собственной, одному ему известной жизнью. На смену листопаду приходил первый снег. Всё вокруг менялось за одно утро. Природа, будто желая простить

накопившиеся на земле грехи, скрывала невинной фатой первого снега серый день, истомившуюся в нагоде землю и шептала еле слышно:

– Люди, начните всё сначала, это ещё возможно. Задумайтесь над тем днём, когда вы оставили свой первый заметный след на Земле. Если что-то не так, не бойтесь, начните всё с чистого листа...

Только люди не слышали ничего или не понимали, а может, просто не хотели задумываться над сказанным. Они привычно ругали непогоду и продолжали жить по-прежнему.

Когда майская гроза с проливным дождём рвала в клочья небо, природа не просто говорила, она кричала: «Дерзайте, пробуйте, у вас всё ещё получится! Если не начнёте сейчас, то когда же?»

После грозы мокрая земля блаженно парила на солнце. Природа, дыша полной грудью, ожидала, что люди наконец-то решатся хоть на что-нибудь, а они, не замечая происходящего, ругали по привычке грозу за то, что та пролила крышу на сарае и затопила дорогу. Сами же они продолжали существовать, не помышляя хоть что-нибудь изменить в собственной жизни.

Летняя жара изнуряющей настойчивостью сводила всех с ума. Припудренные пылью дорожки щупальцами гигантского осьминога причудливо переплелись между собой. Люди ругали надоевшую духоту, торопили время, желая скорейшего наступления осени, забыв, что с её приходом начнут привычно бранить дожди и дожидаться лета.

* * *

Самодельная клумба под окном соседней квартиры, где в одиночестве проживала Маргарита Борисовна, окончательно захирела. Пошла вторая неделя, как выдали пенсию. Пенсия и состояние клумбы под её окнами находились в обратно-пропорциональной зависимости. Любовь к цветам колоритная Кешина соседка воплотила именно в этой нехитрой клумбе. Она гордилась собственным творением, водила сюда знакомых, восхищалась сама и, театрально заламывая руки, требовала восхищения от других. Всё происходило именно так, пока Маргарита Борисовна не получала пенсию. Тяга к прекрасному заканчивалась скоро, буквально на следующий день. Клумба начинала хиреть, зарастая бурьяном по самой прозаической причине – у Маньки наступал запой... Именно так её во время кризисных жизненных эпизодов называли соседи.

Пила Маня грамотно и умело, а оттого долго. Выпивку в магазине не покупала. Дождавшись темноты, серой мышкой пробиралась в посёлок Сады, где в покосившемся доме на окраине улицы Вишнёвой покупала белёсую самогонку у сгорбленной старухи. После, растворившись в ночи, пугаясь порой самой себя, брела она к себе в «малосемейку», чтобы на сутки исчезнуть из обозримой части жизни за ободранной дверью. Следующим вечером всё до мелочей повторялось вновь.

Когда пенсия заканчивалась, на Маньку наваливался приступ вины за свою беспутную жизнь, а ещё обострённое желание искупить грех пе ред окружающим миром и собственной совестью. Клумба вскоре опять начинала чернеть рыхлой землёй, бутоны реанимированных цветов трепетали каплями на ветру. Вместе с ними и Манька через пару-тройку дней опять начинала походить на Маргариту Борисовну.

Зимой, когда по понятным причинам полоть и поливать было нечего, она, повинувшись поселившимся за время запоя бесенятам внутри мутной головы, начинала приводить в порядок двор. Сметая до мёрзлой земли снег, она вёдрами выносила его за забор. Двор от этого начинал неестественно зеленеть. Одни осуждающе качали головами, другие, кутаясь в шубы, приговаривали:

– Вот и зима заканчивается. Видишь, трава проклюнулась.

По весне, отходя от запоя, она неотступно пыталась вычерпать огромную лужу у забора. Это ей тоже помогало. Нет, лужа от её стараний не становилась меньше, зато через пару дней невнятные Манькины глаза светлели. Она начинала выходить на общую кухню, варить вермишелевый супчик из сухпакета, впадая время от времени в философские рассуждения о высоком. О смысле жизни, например, или об исключительном предназначении человека, его роли в истории, поскольку обсуждать цены на ливерную колбасу и сроки годности дешёвого фарша в соседнем магазине она считала недостойной для себя темой.

Когда-то Маргарита Борисовна работала в издательстве. Всё походило на то, что собственное творческое прошлое для неё было важнее, чем окружающий её ныне серый мир вместе с никчёмными мужиками. Оттого, по-видимому, судьба так и распорядилась, оставив её старой девой в переселенческом общежитии с клумбой под окном.

Иногда к ней заходили две экзальтированные пожилые дамы в беретах, с хриплыми головами, морковной помадой, пронизательными взглядами и шлейфами цветочных духов. Их слишком изысканное воспитание не позволяло общаться с обитателями малосемейки далее чем «здравствуйте». По пыльному коридору начинали плавать запахи плодово-ягодного вина, сигарет, дешёвого кофе, а у Маргариты Борисовны после их визита, как правило, случался очередной запой.

* * *

Поселившись в скромной комнатёнке «общаги», Кеша вскоре понял истинное значение слова свобода. Он оставил работу инженера, вернее, работа оставила его по причине закрытия предприятия. Новую он нашёл такую, как давно хотел... Дежурным на проходной Комбината по благоустройству. Сутки через двое. Денег не слишком много, но жить можно. Спасала Вика, присылая то посылку, то деньги.

Из окон проходной можно было наблюдать, как маневровые толкают товарные составы то в один тупик, то в другой, то потом, выстроив их в ряд, отправляют на Черняховск. К вечеру бродячие собаки, вернувшиеся с кладбища, укладывались спать под теплотрассой. Это был тихий и однообразный мир, где всё происходило, но ничего не случалось. Дни текли одинаковые, похожие один на другой, будто штaketник на изгороди перед конторой Благоустройства.

Будучи на работе, Кеша любил больше всего ночь. С её приходом гриб кирпичной водоканализации за вокзалом медленно растворялся в небе, пронзительные свистки тепловозов, перемешиваясь с грохотом железа, пугали тишину... Металлический голос диспетчерских динамиков метался между холодными составами. Дрожащий свет прожекторов, выхватывая из темноты куски сортировочной, освещал таинственные пассажирские составы с белыми занавесками на окнах, угрюмые товарняки, тревожные серебристые цистерны, молчаливых поздних прохожих, идущих поперёк путей.

Ещё Кеша любил дождь. Тихий и нудный. Он разжигал на проходной буржуйку, выключал свет, садился к окну и, оставаясь наедине с собой, смотрел на сито дождя, мерно падающее с круглых фонарей на горбушке моста. В это плавающее в пространстве время Кеша со сладким удовольствием погружался во времена тихих ночных размышлений.

Была у него тайна, о которой не знал никто. В глубине души, боясь признаться в этом да же самому себе, Кеша мечтал стать писателем. Ему нравилось вспоминать услышанное или кемто невзначай сказанное. Нравилось перебирать в уме собственную жизнь, жизнь знакомых и близких, выдёргивать оттуда ниточки событий, сплести их между собой. Он мог придумывать целые истории, где новоявленные герои становились его новыми друзьями. Там они разговаривали о сокровенном и тайном, даже порой спорили. Однако со временем придуманные им герои становились излишне самостоятельными, переставали слушаться, желая жить собственной жизнью...

Знакомые, а также те, кто жил по соседству, рано или поздно становились его героями. Когда что-то не складывалось, он переиначивал всё и начинал новую историю. Долгими вечерами у окна сторожки он создавал придуманный мир, который был подвластен только ему. Боялся Кеша лишь одного – начать писать. Вдруг не получится? А ещё втайне от всех он мечтал о книге, в которой обязательно напишет всё, что так необходимо знать людям. Они прочитают её и, кто знает, может быть, станут чуточку милосерднее или умнее, а может быть, задумаются наконец над простейшими вопросами, расставленными самой жизнью.

* * *

Кеша просыпался рано. Он шёл по гулкому коридору на общую кухню. Там, остановившись на пороге, включал одинокую лампочку, опутанную лучам паутин. Жёлтый свет скупо расплзался по общественному полу, безрадостным столам, мутному окну в углу справа.

На столе у окна стояла пустая бутылка из-под коньяка, тарелки с высохшими остатками закуски. Это Галька в компании со своим третьим мужем красиво ужинали накануне. Галька была непонятная и богатая. Она промышляла продажей «шмоток» неизвестного происхождения и чем-то ещё. К ней периодически заходили угрюмые люди с сумками. Пошусукавшись, быстро уходили. Галька с мужем Васькой уважали «красиво» выпить. Бутылка коньяка на столе в общей кухне, копчёная колбаса нескольких видов, отбивные из свинины. В процессе издевательской царской трапезы Галька громко и со вкусом обсуждала обстановку кооперативной трёхкомнатной квартиры, сотрясая нищий воздух общей кухни трёхзначными денежными суммами. В то же самое время серая по Галькиным меркам народная масса, помешивая жиденький супчик с макаронами, гордо сглатывала слюну и тихо помалкивала. Кеша вообще сторонился Гальки. С присущей ей бесцеремонностью, увидев Кешу, она обязательно начинала пространные рассуждения на тему: «Есть толк от учёбы или нет?» Позже, как правило, констатировался постулат про дурака, которого «сколько ни учи, он всё равно таковым помрёт...». Кеша прекрасно понимал, кому это адресовано, но не подавал вида. Галька же, гордо приподнимая подбородок, встряхивала крашеной кудрявой чернью, возносила выше голов присутствующих на кухне смердов цыганские глаза, брала рюмочку за тонкую ножку и неумеренно торжественно произносила банальные тосты о хозяевах жизни, которые могут позволить себе многое, не говоря уже о коньяке и трёх сортах колбасы на ужин. «Не то, что некоторые...» Некоторые – это были все остальные, презренные за нищету жильцы переселенческого общежития, в том числе и Кеша.

– Машину мы купили, в кооператив вступили.

За нас, Вася!

Апофеозом вечера была фраза:

– Надо уметь жить!

Кеша не умел жить. Он ставил на газ чайник, приседал на зелёный табурет с прожжённым следом от сковородки. Стоять без ортопедического ботинка было неудобно. Случилось это на четвёртом курсе, когда они были в колхозе на уборке зерна. Он неудачно спрыгнул с кузова грузовика и угодил пяткой на камень. В райцентровской больнице наложили гипс, а второй перелом не заметили. Когда же через полгода всё выяснилось, изменить что-либо было невозможно. Кеша долго ходил с костылями, потом хромал. Пришлось брать академический отпуск, подбирать специальную обувь, учиться ходить заново.

Он всегда чего-то ждал. В детстве ждал, когда мамка с папкой разбогатеют и купят ему велосипед. Не купили... В студенчестве ждал, когда встретит хорошую девчонку – не встретил. Работу хотел хорошую и денежную – не нашлась.

Когда Кеше тихо исполнилось сорок, он понял, что всем его ожиданиям, как видно, не суждено сбыться. Тогда он стал ждать каждый день, чтобы радоваться тому, что он просто есть.

Люди пролистывают свои дни, часто не задумываясь над тем, какой он был? Почему прошёл именно так? Что принёс? Часто полагая, что хорошо только то, что материально либо эквивалентно деньгам.

А если день принёс спокойствие каждой клеточке внутри тебя? Это хороший день? Или тебе вдруг стало понятно, что то, над чем ты мучительно думал всё прожитое время, очевидно. Разве этот день – не подарок? Тем более, если встретился хороший человек, разве этот день прошёл напрасно? Кеша хотел бы заработать много денег, но не знал, как это сделать. Галька с пятью классами знала, а Кеша – нет...

* * *

Он долго возвращался по тёмному коридору, длинному, будто из другого мира. Неслышно прикрыв дверь, ставил дымящуюся кружку на подоконник, распахивал створки окна. Знакомая дворничиха, остановившись посреди, поставила ведро на мокрую брусчатку, беззвучно помахала ему рабочей рукавицей, после чего, подхватив свой нехитрый инвентарь, скрылась в скудном свете соседнего двора. Кеша долго, ничего не говоря, махал ей вслед.

Город просыпался. По брусчатке на улице Гагарина громыхали первые грузовики. Когда то давно, ещё до войны, этот двор очень ловко отгородился от улицы забором из красного кирпича. Так что сейчас здесь, как и много лет назад, слышны были лишь голоса редких прохожих да изредка топот каблучков. Пройти в этот тихий дворик можно было только через арку соседнего дома, о чём известно было далеко не всем. За скрытое расположение и деревянную скамейку под каштаном знающий народ уважал это роскошное место. Винный отдел магазина «Чайка» находился практически рядом. Чуть дальше – 35-й «Продуктовый», известный всем как Кучаевский или тайный распределитель деликатесных продуктов для элиты города.

* * *

Кеша уже и не помнил, когда это было впервые. Тогда от нечего делать он рассматривал двор из окна ещё необжитой комнатки на первом этаже, куда переехал после тяжёлого развода. На улице Искры в его двухкомнатной квартире осталась бывшая жена и отрезок жизни, о котором ему не хотелось вспоминать. Под каштаном несколько мужиков с совершенно конкретными намерениями собрались возле скамейки. Один из них, увидев в окне Кешу, крикнул:

- Мужик, стакан есть?
- Есть.
- Дай, если не жалко.
- Пожалуйста. Ничуть не жалко.

Когда коричневые каштаны, вылупившись из колючей кожуры, щедро засыпали блестящими шариками двор, Кеша знал по именам всех постоянных посетителей. Если выпить было нечего, народ всё равно собирался под каштаном. Одни сопели над шахматами, другие молча болели, третьи сидели «на удачу», перекидываясь обрывками ничего не значащих фраз. Случалось, везло... Его величество случай – вещь не случайная. У людей иногда бывают дни рождения, возвращения из рейса, разводы, премии, запои – всего не перечислить. Праздник – он всегда рядом с теми, кто его хочет. Когда было чего разлить, народ, уже не церемонясь, стучал в окно:

- Кеша, дай стакан!

Кеша не отказывал. Все ценили его гостеприимство и вскоре меж собой стали звать просто Кеша-стакан. Его приглашали на посиделки под каштаном с шахматами, шашками, картами под лёгкий перезвон стаканов. Удивление, граничащее с шоком, постигло всех, когда стало известно, что Кеша не пьёт. Знающие жизнь упорно не верили, докучая расспросами.

- Зашитый что ль?

- Нет, – отвечал Кеша.
- Значит, кодированный.
- Да нет, – мотал он головой.
- Тогда больной?
- Здоровый я, – смеялся Кеша.
- Тогда почему не пьёшь?
- Не хочу.
- Как же это можно не хотеть выпить? – недоумевали завсегдатаи.
- Можно я просто так посижу? За компанию, – улыбался в ответ Кеша.
- Сиди, ничуть не жалко.

К выпивке Кеша был равнодушным по причине того, что не любил состояние, когда путались мысли и хотелось не вовремя спать. Кеше нравилось другое. Самое интересное для него происходило, когда собравшиеся, пару раз звякнув стеклом, начинали травить байки.

Все хорошие истории, как водится, бывали с самими рассказчиками, а те, что не очень, с «одним знакомым». Слегка приврать правила хорошего тона допускали, для связки и колорита, но не более того. Врать всё подряд было неприлично. Кроме историй народ ещё уважал, как бы это сказать покрасивее, подискутировать, а попросту говоря поспорить по всевозможным вопросам, поскольку никто лучше них не понимал в устройстве общества, уборке улиц, строительстве нового микрорайона, наведении порядка в стране, да и в жизни в целом. Дискутирующие были уверены, что если бы люди в высоких кабинетах прислушались к их мнению, жизнь давно бы уже стала сытой и счастливой.

Кеше всё происходящее напоминало клубок, который образовывался из ничего. Пустяшная фраза, в ответ на неё другая, потом чьё-нибудь «помню я...», и начинал наматываться тот самый клубок. Ниточки в нём были разные: одни тонкие, изящные, другие грубые, матерные, а то и колючие. За вечер такая путаница наматывается, так переплетётся, не разберёшь. Кто с кем, когда, где, зачем, почему и отчего же именно так?

Кеша не влезал в разговоры, не спорил, ничего не доказывал. Ему нравилось просто наблюдать и слушать, как мужики жалуются на женский беспредел, вороватое начальство и палёную водку. Хотя этим всё не ограничивалось.

«Какие же люди разные, – размышлял Кеша. – Словно актёры в кино. Каждый играет роль, будто она прописана в каком-нибудь сценарии. Режиссёр ничего выходящего за эту роль не требовал, а им, похоже, и не хотелось. Согласен человек со своей ролью, исполняет её добросовестно, хотя имеет и собственное мнение, и желание тоже. Только бывает так, что проживёт он жизнь да так и унесёт это мнение с собой, не высказав его и одного раза. А желание, порой единственное на всю его нищую жизнь, так и останется неисполненным. Кто в их спектакле сценарист, кто режиссёр? Не знает никто»...

Есть, конечно, те, что ищут для себя роль помасштабнее. У кого-то это получается, у кого-то нет. Обиднее всего возвращаться туда, откуда ушёл единожды. Думал, что навсегда так высоко взлетел. Да, видно, не рассмотрел с тех высот что-то главное.

Вон, Елисей шоферил себе потихоньку на хлебовозке, а потом взял да и заложил нештутейный вираж – в бизнес подался. Начал ставить ларьки по всему городу. Как грибы росли они один за другим. Народу поначалу всё это чудно было. Ларёк, он же как газетный киоск, не больше. Как туда столько водки помещается, что всю ночь можно торговать без перебоя? Всем это новшество, однако, пришлось очень даже по душе. Идёт, к примеру, гражданин, а бутылочки выглядывают из оконца то в одном ларьке, то в другом и всё манят к себе. Кто тут устоит? Только вскоре пошла про них дурная слава. Водка, которой народ завсегда привык доверять, как партии, стала попадаться палёная, то есть не настоящего, а подвального розлива. Для определения подлинности напитка кто-то её, родимую, раскручивал, кто-то бойко переворачивал – на пузырьки проверял, другой по ровности наклейки оценивал. У каждого была

своя метода. Только это не помогало. Голова по утрам у всех была одинаковая, как кузнечная наковальня – тяжёлая и квадратная.

Мало сказать, что водка рекой лилась, вскоре спиртом под названием «Роял» начали в тех ларьках торговать. Пьющий человек, он даже и понятыю ничего не успевал. Закинет стакан «рояля», и тут же его будто кто-то киянкой по голове саданул. Брык, и лежит, родимый. Жуткой убойной силы было поило.

Елисей тем временем пошёл дальше: базу продуктовую открыл. Народ качал головой и дивился, откуда такая прыть у человека. «Видал, чего «капитализма» с человеком делает!» – говорил сторож Витька Шанько. Рубаха у Елисея цветастая, ворот нараспашку, крест на шее с распятым в полкило, не меньше, цепь, как у Тузика в будке. Машину купил себе чёрную, большую, как у американского президента, квартиру сделал в два уровня, ну и, конечно, завёл любовницу. Идёт она по улице – живая Барби. Сапоги длинные, как охотничьи, только кожаные и в обтяжку. А меж верха тех сапог и юбочкой, которая еле одно место прикрывает, разрывчик в ладошку, а там... ножки в чулочках со стрелкой. Мать моя! У мужиков от такого её вида вывихи шеи неоднократно случались, не говоря про поголовное косоглазие.

Всё бы ничего, как говорится, его это дело. Самое обидное, что займы давать Елисей перестал. «Бизнес, – говорит, – каждая копейка прибыль должна приносить. Дам я тебе в долг, а отдашь ты мне через месяц, если от жены утаишь, конечно. Это что ж получается, мои деньги из бизнеса исключены, а работают на тебя». Мужики ему: «Мы, дескать, не для того, чтобы они работали на нас. Мы ж на бутылку, это совсем другое дело. Ты ж поди наш парень – из-за баранки!» Но Елисей был непреклонен:

– Не понять вам тонкостей. Бизнес – дело серьёзное. Так что не дам, и не ходите больше.

Мужики за это на Елисея крепко обиделись. Только приключилась с бизнесом его какая-то, мягко говоря, неприятность. Ларьки отчего-то все расползлись от него к другим людям. На базу за просроченным товаром даже бабки ходить перестали. Дальше больше... Начал вскоре Елисей «таксовать» на этой чёрной американской машине. Всем говорил, что от скуки, только народ не проведёшь. Он знай себе посмеивается. Скудное, мол, это занятие – бизнес, шоферить – оно, конеч но, веселее. Пришёл как-то Елисей под каштан, бутылку принёс вроде как для примирения. Только не простили его мужики, пить с ним не стали. Не получилось у них тогда разговора о бизнесе, да и о жизни тоже.

Сидел Кеша, наблюдая за мужским сообществом, словно книгу интересную перелистывал. Этот говорит искренне и правду, а вот этот врёт. Хотя, если честно, привирали все. Чаще всего о рыбалке, разумеется, обсуждать которую народ любил больше, чем саму рыбную ловлю. Причём любую: зимнюю, летнюю, на донку и на спиннинг, на мотыля или выползка. Интересно было всё. Какая удочка, какая леска, где клюёт и как?

Нередко ещё ввали про любовные похождения и удивительные мужские способности. А может, и не ввали вовсе, а всего лишь фантазировали. Реальный мир казался всем не очень удобен, выдуманный был лучше. Там можно было легко назначить себя героем, наказать него-дяя или стать богатым.

Если приходили дальнбойщики, у них всё крутилось вокруг шофёрских тонкостей и дорожных небылиц. Как ходили до Ростова с селёдкой и уходили по трассе от бандитов, как стуканул движок под Краснодаром, как помог случай и «дружбан» из Таганрога.

Если заходили моряки, простой народ затихал, поскольку от названий Лас-Пальмас, Вальпараисо, Гамбург и Ливерпуль у всех перехватывало горло. А какие были морские исто-рии...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.